

Некоторые аспекты сравнительно-правового анализа доктрины заблуждения при заключении договора

П. В. Корнилина

Для цитирования: Корнилина П. В. Некоторые аспекты сравнительно-правового анализа доктрины заблуждения при заключении договора // Правоведение. 2022. Т. 66, № 2. С. 145–160. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.202>

В статье представлен результат сравнительно-правового анализа некоторых аспектов доктрины заблуждения при заключении договора. Общее начало концепция заблуждения берет в римском праве и получает свое дальнейшее развитие вместе с развитием концепции договора и его действительности. Интересно, как из одного общего римского начала развилось многообразие правовых теорий заблуждения, каждая из которых находится в постоянном поиске непростых компромиссов. Автор рассматривает в сравнительно-правовом контексте вопрос допустимости ошибки в обстоятельствах будущего. Анализируются существующие исключения из общепринятого отказа признавать значимость заблуждения относительно будущих фактов. Также в статье рассматривается природа проблемы оценки существенности заблуждения. Во-первых, природу проблемы оценки заблуждения можно связать с фундаментальными противоречиями принципов договорного права, которые необходимо принимать во внимание при рассмотрении существенности заблуждения. Доктрина заблуждения находится на стыке базовых гражданско-правовых принципов, а именно связанности договорными обязательствами (*pacta sunt servanda*), с одной стороны, и принципами свободы и автономии воли — с другой. В этой связи доктрина заблуждения является одной из самых противоречивых доктрин договорного права и ищет баланс между интересами стабильности оборота и интересами каждого отдельного участника. Во-вторых, природа проблемы оценки заблуждения связана с вопросом соотношения договорной теории и дефектов воли. От того, какая господствует договорная теория, либеральная или интервенционистская, определяются ключевые задачи права соответственно: либо обеспечение формального равенства возможностей сторон и гарантия процессуальной договорной справедливости, либо обеспечение сущностной договорной справедливости. В зависимости от этого определяется баланс в поиске существенности заблуждения. Также автор приводит результаты сравнительно-правового исследования критериев существенности заблуждения, используемых в некоторых странах европейской цивилистической традиции и странах общего права, анализирует субъективные и объективные концепции существенности заблуждения, а также сочетания их элементов, которые нашли отражение в регулировании рассматриваемых правопорядков. Исследование полезно для развития и совершенствования отечественной доктрины заблуждения.

Ключевые слова: договор, договорное обязательство, заблуждение, ошибка, существенное заблуждение, существенная ошибка.

Введение

Человеку свойственно ошибаться (*errare humanum est*). При этом он может заключать договоры, находясь под влиянием заблуждения¹, например: продажа по

Корнилина Полина Владимировна — консультант, ООО «Технологии Доверия — Юридические Услуги», Российская Федерация, 190031, Санкт-Петербург, пер. Гривцова, 4а; poly.kornilina@yandex.ru

¹ Понятия «заблуждение» и «ошибка» используются в статье как синонимичные.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

ошибке сумки NASA с лунной пылью с миссии «Аполлон-11»²; продажа уникальных предметов искусства (которые либо оказываются подделкой, либо, наоборот, нераспознанным произведением великих мастеров³) и иные случаи⁴.

Одной из целей договорного права является защита разумных ожиданий сторон, заключивших договор. При этом гражданский оборот должен быть стабильным, чтобы участники могли ему доверять и активно в нем участвовать. Договор не может быть расторгнут, если лицо посчитало его невыгодным для себя и передумало его исполнять. В то же время, заключая договор, каждая сторона преследует определенную выгоду. В поисках баланса между интересами стабильности оборота и интересами каждого отдельного участника право признает ошибку и позволяет в определенных случаях освободиться от обязательств, взятых на себя в рамках договора в результате совершенной ошибки. Поиск баланса интересов сторон и определение круга допустимых случаев освобождения от договора ввиду заблуждения всегда являлись и являются до сих пор сложной задачей для юристов. Сравнительный правовой анализ регулирования вопросов

² 21 июля 1969 г. модуль корабля «Аполлон-11» приземлился на поверхности Луны. Нил Армстронг, выйдя из корабля и сказав знаменитую речь о «маленьком шаге для человека и большом шаге для всего человечества», собрал в специальную сумку немного лунного грунта (на случай, если миссию придется экстренно прервать). По прилете на Землю ученых и инженеров попросили освободить место для грядущей программы «Спейс шаттл», поэтому они раздавали на сувениры, выбрасывали, уносили домой вещи, оставшиеся от «Аполлонов». Один из сувениров достался Максму Эри (его попросили выбросить мусор, а он, с разрешения, оставил какие-то вещи из мусора себе). В 2003 г. выяснилось, что он, возглавляя Канзасский центр космосферы и космоса, продавал предметы, которые находились в коллекции музея. В его доме был проведен обыск, и все вещи, которые были связаны с космосом, забрали, в том числе ту самую сумку, побывавшую на Луне. Изъятые вещи на 10 лет были помещены в хранилище, а затем выставлены на аукцион, на котором Нэнси Ли Карлсон приобрела товар за 995 долларов. В описании сумки говорилось следующее: «Один мешок для образца лунного грунта с лунной пылью («Лунная сумка»), 29 сантиметров, дырка в центре. Миссия неизвестна». Впоследствии через полгода экспертиза подтвердила подлинность сумки. NASA, осознав ошибку, обратилось в суд с требованием аннулировать аукцион. Суд поддержал Нэнси Ли Карлсон, которая впоследствии продала сумку Нила Армстронга с лунной пылью на аукционе Sotheby's за 1,812 млн долларов, что оказалось самой крупной выплатой в истории, сделанной за какой-либо артефакт американской космической программы (см. подробнее: NASA accidentally sells moon landing bag // Sky News. September 13, 2016. <https://news.sky.com/story/nasa-accidentally-sells-moon-landing-bag-10530370> (дата обращения: 03.07.2021); Nancy Lee Carlson Bought a Piece of the Moon — NASA Really Wants It Back // The Wall Street Journal. May 19, 2017. <https://www.wsj.com/articles/nancy-lee-carlson-bought-a-piece-of-the-moon-nasa-really-wants-it-back-1495206493> (дата обращения: 03.07.2021)).

³ Например, картина Винсента Ван Гога «Подсолнухи», проданная на аукционе Christie's за 40 млн долларов, оказалась подделкой; картина Бориса Кустодиева «Обнаженная в интерьере», купленная за 2,9 млн долларов (что превысило предварительную оценку в семь раз), оказалась подделкой. Рисунок «Архангел Гавриил возвещает о рождении Христа», выполненный Лукой Лейденским (1494–1533), был куплен на аукционе Christie's за 393 доллара. Впоследствии рисунок был куплен за несколько тысяч (возможно, десятков тысяч) долларов (точная сумма сделки не разглашается); пейзаж с видом Саффолка, который оказался ранним произведением художника XVIII в. Томаса Гейнсборо, был куплен на аукционе Sotheby's за 50 тыс. фунтов. Итоговая оценка составляет 750 тыс. фунтов. Также известны: продажа работы Тициана «Саломея с головой Иоанна Крестителя» за 8 тыс. фунтов, стоимость которой на самом деле составляет 4–6 млн долларов; как творение неизвестного немецкого мастера был продан «Профильный портрет молодой девушки в платье эпохи Возрождения» за 19 тыс. долларов, который впоследствии оказался произведением Леонардо да Винчи; при продаже картины «Шулеры» аукционный дом Sotheby's не атрибутировал ее Караваджо, в результате картина была продана за 42 тыс. фунтов, но истец со ссылкой на авторитетных искусствоведов утверждает, что упустил в результате этой сделки многомиллионную выгоду; и т. д.

⁴ Например, брокер, потерявший состояние на токийском фьючерсном рынке из-за ошибки; купля-продажа дома, зараженного насекомыми-термитами (Obde v. Schlemeyer (1960)); купля-продажа яловой коровы, которая впоследствии оказалась стельной (Sherwood v. Walker (1887)); и т. д.

заблуждения в ключевых правопорядках позволит комплексно посмотреть на проблематику заблуждения и оценить существующие пути решения.

1. Правовая сущность доктрины заблуждения

Как уже отмечалось, одной из центральных проблем доктрины заблуждения является проблема отграничения существенного заблуждения от несущественного. Прежде всего, проблему оценки заблуждения можно связать с фундаментальными противоречиями принципов договорного права, которые необходимо принимать во внимание при рассмотрении существенности заблуждения. Это, с одной стороны, принципы первостепенного значения стабильности оборота (в особенности в странах с системой общего права) и связанности договорными обязательствами (*pacta sunt servanda*), а с другой — принципы свободы договора и автономии воли.

Если бы лицо, заключившее договор, имело право расторгнуть его лишь на том основании, что стало бы полагать такой договор невыгодным, договоры не были бы связывающими⁵. «Главная цель обещания — это связать себя совершением данного действия, даже если, продумав все обстоятельства, должник не захочет совершать действия, которые должны быть совершены»⁶. Связывающий эффект договора обусловлен частной автономией и свободой договора в качестве ключевых принципов. Каждый может свободно определять правовые отношения, в которые он желает вступить, в соответствии со свободой воли. Но свобода влечет ответственность: лицо свободно определять, вступать ли ему в отношения. Его решение о вступлении/невступлении порождает ожидания другого лица, которые право должно защищать⁷.

Вместе с тем свобода, на основании которой принимается решение связать себя обязательством, должна быть лишена любых пороков, включая ошибку. Истинное назначение договора в том, что каждая сторона может получить для себя нечто более ценное, чем то исполнение, которое она обещает предоставить взамен.

Право признает эти соображения, предусматривая, что, с одной стороны, за свободу нужно нести ответственность, и поэтому риск ошибки лежит на том, кто выразил волю⁸, но, с другой стороны, сторона, допустившая при заключении договора ошибку, в некоторых случаях может быть освобождена от своих обязательств. Таким образом, право любой страны в вопросе о правовом значении заблуждения занимается поиском баланса интересов сторон договора.

Помимо прочего, природа проблемы оценки заблуждения связана с вопросом соотношения договорной теории и дефектов воли. В XX в. большое значение имела договорная теория, которая концентрировалась на сущностной договорной справедливости. Либеральная договорная теория (постинтервенционалистская), которая все еще господствует сегодня (и которая, как представляется, связана с усилением идеологии «невидимой руки рынка»), основана на аксиоме наличия возможности достижения естественного баланса интересов сторон. Для свободы договора необходимо простое обеспечение формального равенства возможно-

⁵ Гордли Дж. Ошибка при заключении договора // Вестник гражданского права. 2009. № 4. С. 235.

⁶ The Theory of Contract Law: New Essay / P. Benson (ed.). Cambridge University Press. 2001. P. 12.

⁷ Zimmermann R. The Law of Obligations. Cape Town: Juta & Co.; Deventer, Boston: Kluwer, 1992. P. 584.

⁸ Ibid.

стей сторон. Сущностная же справедливость результатов их переговоров (в частности, экономически обоснованная цена) игнорируется. Поэтому суть правопонимания, основанного на либеральной договорной теории, состоит в том, чтобы обеспечить это формальное равенство сторон для их дальнейшей дискуссии, то есть право гарантирует только процессуальную договорную справедливость, регулируя вопросы обеспечения возможностей для сторон заключать договоры, в том числе вопросы дефектов воли⁹.

Договор, заключенный под влиянием заблуждения, лишается презумпции сущностной справедливости, так как зачастую нарушается эквивалентность договорного обмена, поскольку из-за дефектов воли нарушается рациональность (адекватное восприятие ситуации) заблуждающейся стороной и, как следствие, нарушается баланс интересов сторон. Одна сторона может обогатиться за счет другой стороны, которая в момент заключения договора находилась под влиянием заблуждения¹⁰. Таким образом, не удивительно, что правовые системы мира находятся в постоянном поиске непростых компромиссов, отдавая приоритет в одних случаях свободе воли, в то время как в других случаях (полагая, что лицо совершает ошибку на свой риск) защите подлежат стабильность оборота и вера оппонента заблуждавшегося лица совершенному изъявлению.

2. Концептуальные различия

Вопрос о том, как быть с договорами, заключенными под влиянием заблуждения, на протяжении веков остается одной из самых сложных проблем договорного права (*De pacto errantis perplexa satis tractatio*). Общее начало концепция заблуждения берет в римском праве¹¹. В дальнейшем концепция заблуждения получила свое развитие вместе с развитием концепции договора и его действительности. Интересно, как из одного общего римского начала развилось многообразие правовых теорий заблуждения. Например, несмотря на общность происхождения, концепции заблуждения во французской и немецкой правовой традициях различаются. Английский концепт заблуждения в значительной степени отличается от принятого в цивилистической традиции, несмотря на заимствования в доктрине английского права теоретического фундамента заблуждения у Р.-Ж. Потье и суждений представителей школы естественного права XIX в., основанных на автономии воли¹².

Детализированный подход к заблуждению в каждой стране будет отличаться. Конечно, опрометчиво группировать все цивилистические правовые юрисдикции и юрисдикции общего права вместе. Но не является безосновательным генерализировать рассуждения в отношении двух существенных вопросов: 1) в системе общего права ошибка находится на периферии; в цивилистических правовых юрисдикциях ошибка является отправной точкой для анализа действительности договора: ошибка находится в самом центре обязательства; 2) современная цивили-

⁹ Kramer E.A., Probst Th. II. Mistake // International Encyclopedia of Comparative Law Online / U. Drobnig, R. David, H.H. Egawa, R. Graveson, V. Knapp, A.T. Von Mehren, Y. Noda, S. Rozmaryn, V.M. Tschchikvadze, H. Valladão, H. Yntema, K. Zweigert (eds). First published online: Brill, Netherlands, 2018. Part 1. http://dx.doi.org/10.1163/2589-4021_IECO_COM_071102

¹⁰ Perillo Joseph M. Hardship and its Impact on Contractual Obligations — A Comparative Analysis. Saggi, conferenze e seminari Centro di Studi e Ricerche di Diritto Comparato e Straniero no. 20. Rome, 1996. P. 13.

¹¹ Zimmermann R. The Law of Obligations. P. 600, 619.

¹² Sefton-Green R. Mistake, Fraud and Duties to Inform in European Contract Law. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, Sao Paulo: Cambridge University Press, 2005. P. 5.

листическая система значительно более восприимчива, в отличие от английского права, к обязанности сторон быть добросовестными во время переговоров¹³.

3. Существенность заблуждения

Нет ни одной правовой системы, которая полностью отрицает существенность договорного заблуждения или, напротив, признает любое заблуждение существенным. Вопрос о том, какое заблуждение существенно с точки зрения правовых последствий, является сложным компромиссом для каждой правовой системы, которая совершает отбор на основании различных факторов. Концепции существенности в целях исследования иногда делят на субъективные и объективные¹⁴.

4. Субъективные концепции существенности

Суть данного подхода заключается в том, что ошибочное предположение признается существенным, если имеет субъективную значимость, иными словами, является каузальным.

Субъективная концепция существенности выражена в ч. 1 ст. 178 ГК РФ, согласно которой существенным может быть признано заблуждение, если сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку, если бы знала о действительном положении дел.

Французский гражданский кодекс (далее — ФГК) исходит из субъективного подхода — ошибка нарушает согласие, если бы сторона, в отсутствие ошибки, не заключила бы договор или заключила бы его на существенно иных условиях (ст. 1130 ФГК (до 1 октября 2016 г. — ст. 1109 ФГК))¹⁵.

ГК Нидерландов, будучи традиционно базирующимся на французском подходе, также устанавливает субъективный элемент в ч. 1 ст. 6:228 — договор, который был заключен под влиянием заблуждения и который не был бы заключен, если бы имела место верная оценка фактов, может быть оспорен.

ГК Квебека в ч. 1 ст. 1400 также признает субъективный подход — ошибка нарушает согласие сторон или стороны, когда относится к природе договора, объекту или любому существенному элементу, определенному в соглашении.

Правило английского права о том, что ошибка нарушает согласие, только если она побудила заблуждающуюся сторону вступить в договор, также является проявлением субъективного подхода к существенности заблуждения¹⁶.

Позиция ГК Италии (далее — ИГК) не является однозначной. В отношении ошибки в личности и ошибки в праве (ст. 1429, 1430 ИГК) прямо установлено их субъективное решающее влияние на заблуждение. Но для таких видов заблуждения, как ошибка в природе или объекте договора (ч. 1 ст. 1429 ИГК), субъективная значимость ошибки не упоминается.

ГК Австрии устанавливает базовое различие между категориями транзакционной ошибки (*Geschäftsirrtum*) — существенной ошибкой, которая относится к самому предмету или его существенным атрибутам (пар. 1 § 871), и незначи-

¹³ Ibid. P. 8.

¹⁴ Kramer E. A., Probst Th. II. Mistake. Part 12.

¹⁵ Cartwright J., Fauverque-Cosson B., Whittaker S. The Law of Contract, the general regime of obligations, and proof of obligations. The new provisions of the Code civil created by Ordonnance no 2016-131 of 10 February 2016 translated into English. URL: http://www.textes.justice.gouv.fr/art_pix/THE-LAW-OF-CONTRACT-2-5-16.pdf (дата обращения: 07.02.2022).

¹⁶ Treitel G. H. The Law of Contract. 10th ed. London: Sweet & Maxwell, 1999. P. 279.

тельной ошибкой, которая относится к сопутствующим обстоятельствам (§ 872). При транзакционной ошибке договор можно оспорить, при несущественном заблуждении оспорить договор нельзя, но возможно получение компенсации. § 872 ГК Австрии говорит о том, что различие между существенным/несущественным заблуждением делается на основании не объективных, а субъективных характеристик. Ошибка признается существенной, когда заключающее договор лицо вовсе бы не заключило его, если бы не заблуждалось.

5. Субъективные концепции с объективным элементом

§ 119 (абз. 1) Германского гражданского уложения (далее — ГГУ) добавляет объективный элемент в чисто субъективную оценку существенности. Лицо может оспорить договор, если есть вероятность предположить, что, зная о действительном положении дел и *разумно оценивая* ситуацию, оно не заключило бы договор. Ограничение оспаривания на основании разумной оценки ситуации принято для ограничения влияния субъективных настроений стороны¹⁷.

В Принципах УНИДРУА также отражен объективно-субъективный подход. Согласно ст. 3.5 (1) ошибка признается существенной, если во время заключения договора она была такой значимости, что разумный человек в аналогичной ситуации заключил бы договор на существенно иных условиях или вообще не заключил бы его, если бы было известно истинное положение дел.

Объективность также может достигаться через отсылки к ожиданиям другой стороны договора. Например, договор может быть оспорен, если другая сторона признала или должна была признать решающее значение тех аспектов, с которыми связано заблуждение. Так, ст. 247 ГК Португалии устанавливает, что оспорить волеизъявление, совершенное под влиянием заблуждения, можно при условии, что лицо, к которому обращено волеизъявление, знало или должно было знать об обстоятельстве, породившем ошибку.

Абзац 1 лит. а ст. 6:228 ГК Нидерландов также устанавливает возможность оспаривания, если ошибка вызвана информацией, предоставленной противоположной стороной¹⁸.

6. Объективные концепции

Ни в одной системе субъективная значимость заблуждения (даже совмещенная с объективным элементом) не является единственным требованием для установления существенности заблуждения. Большинство правовых систем требуют, чтобы ошибка в определенном смысле была объективно существенна. Это означает, что она должна относиться к некоторым важным обстоятельствам. Вопрос в том, как определить объективную существенность заблуждения с точки зрения права.

7. Казуистичный подход

Традиционное решение римского права заключалось в казуистическом определении существенности ошибок в соответствии с объектом ошибки. Римские юристы не выработали ни общего учения, ни единого понятия заблуждения

¹⁷ Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. Säcker, Vol. 1, Allgemeiner Teil § 1–240, AGB-Gesetz. 4th ed. F. Jürgen (ed.). München: Verlag C. H. Beck, 2001. § 119, no. 126.

¹⁸ Kramer E. A., *Probst Th. II. Mistake. Part 16.*

(ровно так же, как и не выработали общего понятия договора)¹⁹. Общего единого подхода к проблеме заблуждения сформировано не было. Римские юристы рассматривали отдельные случаи заблуждения с учетом конкретных обстоятельств. Они выделяли: *error in corpore*, *error in pretio*, *error in negotio*, *error in persona*²⁰. Казуистичный подход римского права нашел отражение в континентальном *jus commune*, где доктрина ошибки сосредоточилась вокруг ошибки *in negotio*, *in persona*, *in corpore*, *in objecto*²¹.

Хотя казуистичный подход был модернизирован постнатуралистами через более строгий обобщающий подход, он все еще влиял на право XIX в. и даже на некоторые кодификации XX в.

Так, согласно абз. 1 ст. 24 Швейцарского обязательственного закона (далее — ШОЗ) заблуждение существенно, в частности, (1) если заблуждающаяся сторона хотела заключить договор, отличный от того, на заключение которого она изъявляла свое согласие; (2) или если она подразумевала другую вещь, нежели та, которая является предметом договора, либо, когда договор был заключен с учетом личности другой стороны, другое лицо; (3), или если заблуждающаяся сторона приняла на себя обязательства в значительно большем объеме, либо обещанное ей встречное предоставление существенно меньше того, чего она действительно хотела.

Статья 1429 ИГК содержит аналогичный открытый перечень случаев существенных видов заблуждения: (1) ошибка в отношении характера или предмета договора, (2) ошибка в отношении идентичности или характеристики обязательства, (3) ошибка в отношении идентичности или характеристики другой стороны, (4) ошибка в праве и (5) отдельно регулируемая ошибка в подсчетах (ст. 1430 ИГК).

Недостатки казуистического подхода очевидны, если понимать перечень соответствующих категорий заблуждения как исчерпывающий. Но в целом ориентировочный перечень примеров существенных видов заблуждения представляется разумным, поскольку он дает толкователю гибкое указание на намерения законодателя относительно значения ошибок. Но казуистичное решение таит в себе опасность того, что разные виды ошибок будут регулироваться по-разному.

Вполне естественно, что правовые системы, где доминирует прецедентное право, имеют казуистичную тенденцию и, таким образом, уязвимы в большей степени перед размытыми и непрозрачными критериями²².

8. Общее требование существенности заблуждения

Противоположным казуистичному подходу является подход, который ограничивается требованием о том, что ошибка должна иметь «существенное значение», без каких-либо дополнительных уточнений. Такое регулирование предусматривалось ГК РСФСР 1964 г. Современный ГК РФ объединяет общие условия существенности с открытым перечнем существенных видов заблуждения, что схоже с итальянским и швейцарским регулированием.

ГК Венгрии (1959) в редакции, действовавшей до 2014 г., в § 210 абз. 1 также содержал лишь общую оговорку о том, что ошибка должна относиться к «некоторым важным вопросам», — очевидно, такое регулирование было установлено под влиянием советского Гражданского кодекса. Реформированный ГК Венгрии,

¹⁹ Полдников Д. Ю. Договорные теории глоссаторов. М., 2008. С. 12, 80.

²⁰ Zimmermann R. The Law of Obligations. P. 589–595.

²¹ Kramer E. A., Probst Th. II. Mistake. Part 18.

²² Ibid. Part 19.

вступивший в силу 15 марта 2014 г., отходит от такого общего регулирования и устанавливает правило о том, что ошибка должна рассматриваться как оказывающая влияние на материальные обстоятельства, если стороны не заключили договор на таких условиях, если бы знали об ошибке (ст. 6:90 ГК Венгрии).

Ошибка в существе (*essentialibus*) в законодательстве Шотландии также рассматривается с точки зрения общего требования существенности. ГК Квебека в абз. 1 ст. 1400 (вместе с перечнем отдельных видов ошибок) ссылается на ошибки, которые касаются «всего, что было существенно при определении этого согласия».

Формулы, используемые в отношении объективной существенности ошибок в американском праве, также принимают форму общих положений. § 152 (1) второго свода договорного права требует, с одной стороны, чтобы ошибка относилась к «основному допущению, на основании которого был заключен договор», а с другой стороны, чтобы она имела «существенное влияние на согласованный обмен». Статья 1577 (1) ГК Калифорнии определяет «ошибку в фактах» как «бессознательное игнорирование или забвение факта прошлого или настоящего, существенного для договора».

9. Психологический подход

Некоторые правовые системы характеризуются попыткой разграничить существенное и несущественное заблуждение на основании абстрактного концептуального критерия. По большей части они базируются на психологическом подходе.

Немецкое право заблуждения, в основе которого лежит теория Фридриха Карла фон Савиньи (Friedrich Carl von Savigny) и пандектистов, в своей парадигме приняло психологический критерий²³. Для Савиньи очевидно, что ошибка в объективном семантическом содержании изъявления (*Erklärungsirrtum*) приводит к ничтожности договора ввиду отсутствия связи между волей и изъявлением. Если же изъявление верно (т. е. изъявленное соответствует тому, что лицо желало изъять в момент совершения изъявления), но основывалось на неверных предположениях, то речь об ошибке в мотиве, которую нужно игнорировать²⁴. Психологический критерий последовательно разрабатывался Эрнстом Цительманном (Ernst Zitelmann), который пришел к тому, что ошибка в качестве отрицает существенность, так как является ошибкой в мотиве²⁵.

Германское гражданское уложение (далее — ГГУ) с осторожностью следовало этому теоретическому основанию и модифицировало его, исходя из практических соображений. Положения § 119 ГГУ к ошибке в *содержании* изъявления добавляют второй вид ошибки — ошибку в *изъявлении*, например оговорку. Оба вида ошибки подчинены одному правилу и называются «ошибка в изъявлении».

В части несущественной ошибки в мотиве ГГУ последовало Цительманну. § 119 (2) ГГУ признает заблуждением относительно содержания волеизъявления *ошибки в таких свойствах лица или вещи, которые в обороте считаются существенными*. В такой формулировке к ошибке в фактах (*Sachverhaltsirrtum*) относятся (через правовую фикцию) как к ошибке в содержании изъявления, указанной в § 119 (1) ГГУ. За исключением ошибки в качестве, ошибка в мотиве несущественна, хотя этого нет *expressis verbis* в законе.

²³ Ibid. Part 24.

²⁴ Savigny F. C., von. System des heutigen Römischen Rechts. 3rd vol. Berlin: Veit und Comp., 1840. P. 258.

²⁵ Zitelmann E. Irrtum und Rechtsgeschäft. Leipzig: Duncker & Humblot, 1879. P. 433.

Представители немецкой доктрины и практики расширили узкий концепт существенной ошибки в мотиве, ограниченной качествами лица или вещи, которые в обороте считаются существенными. Обобщая, выделяют две расширяющие модификации: 1) ошибка в фактах, на которых основано изъявление; такие ошибки не являются ошибками в качестве по § 119 (2) ГГУ, но тем не менее их рассматривают как существенные; 2) второе исключение — доктрина отпадения (общего) основания договора (*Wegfall der subjektiven Geschäftsgrundlage*). Функционально эта доктрина может рассматриваться как часть доктрины заблуждения.

Расширительное обращение немецкого права к ошибочному изъявлению, указанному в § 119 (1) ГГУ, не является обоснованным. Оспаривание на основании ошибки в качестве ограничено теми свойствами, которые считаются в обороте существенными. Другие ошибки в фактах можно охарактеризовать как существенные, если они относятся либо к ошибкам в содержании изъявления (что спорно), либо если выполняются условия отпадения основания. В ином случае ошибки несущественны. Например, если заявлена низкая цена в результате ошибки подсчета, то это считается несущественной ошибкой в мотиве. Но если подсчеты сделаны верно, но имеет место ошибка в изъявлении (например, неверно написан ценник), такая ошибка является существенной по § 119 (1) ГГУ. Такое слишком сложное разделение трудно оценить положительно.

В основе права Швейцарии лежит различие между фундаментальными существенными ошибочными изъявлениями и нефундаментальными квалифицированными ошибками в фактах. Перечень примеров с ошибочным изъявлением, содержащихся в ст. 24 п. 1 пп. 1–3 ШОЗ, расширен правилом об ошибке в основании транзакции (*Grundlagenirrtum* — ст. 24 п. 1 пп. 4 ШОЗ). Согласно этому правилу, ошибка существенна, если она относится к фактам, которые при добросовестности заблуждающейся стороны рассматривались бы как необходимое основание (предпосылка) договора при добросовестном деловом обороте. Если ошибка относится просто к мотиву договора, то она несущественна (ст. 24 п. 2 ШОЗ).

Различие между ошибочным изъявлением и ошибкой в необходимом основании транзакции (которую отделяют от несущественной ошибки в мотиве) дает основания для необоснованной несправедливости. Например, в одном случае, когда в ювелирном магазине неверно написали ценник (1380 франков вместо 13 800 франков) и продали, не заметив ошибки, Федеральный суд Швейцарии признал право на оспаривание договора, несмотря на доверие покупателя и на то, что он не мог распознать ошибку²⁶.

В другом случае, когда сотрудник неверно понял указание от своей фирмы и вместо покупки каустической соды продал ее, Федеральный суд Швейцарии отклонил требование об оспаривании договора, так как это не была ошибка в изъявлении. Во время заключения договора работник действительно хотел продать соду. Он был ошибочно мотивирован сообщением от своей фирмы²⁷.

Исследователи отмечают, что такое чисто концептуальное различие в обстоятельствах, когда в одном случае имеется ошибка в изъявлении, а в другом — ошибка в том, что предшествовало изъявлению, не является достаточным обоснованием разницы в подходах²⁸. При первом приближении может быть не ясно, почему в одном случае договор можно оспорить, а в другом — нет. В обоих случаях очевидна ошибка ассистента, приводящая к серьезной ошибке при заключении договора, которая не может быть распознана другой стороной.

²⁶ См. подробнее: BG 20 Feb. 1979, BGE 105 II 23.

²⁷ См. подробнее: BG 23 Jan. 1979, BGE 105 II 16.

²⁸ Kramer E. A., Probst Th. II. Mistake. Part 24.

В ГК Австрии (в отличие от структуры ГГУ) транзакционная ошибка прямо охватывает как ошибку в изъявлении, так и ошибку в фактах. В отличие от ГГУ (но в этом смысле схоже со швейцарским концептом ошибки в основании транзакции) — ошибка в фактах не ограничена категорией ошибки в качестве, т. е. распространяется, например, на ошибки в праве или ошибки в подсчетах. Оспаривание на основании транзакционной ошибки таким образом получает единообразное регулирование независимо от того, как ее характеризовать — как ошибку в изъявлении или в фактах. В этом отношении австрийский подход выгодно отличается от различий, которые представлены в швейцарском праве²⁹.

Итальянское право не ставит в центр ошибку в изъявлении. Оно начинает с ошибки в фактах (ст. 1428 ИГК) и только затем говорит об ошибках в изъявлении и транзакциях, которые подчиняются тем же правилам, что и ошибки в фактах (ст. 1433 ИГК). Новое регулирование заблуждения в отличие от старого ИГК (по аналогии с Французским концептом «ошибки — препятствия» / *erreur — obstacle*) больше не проводит различия между ошибкой в изъявлении, которая делает договор ничтожным (*errore ostativo*), и ошибками, которые дают право только на оспаривание (*errore vizio*).

Статья 6:228 ГК Нидерландов 1992 г. также регулирует только ошибку в фактах. Ошибки в изъявлении не вписываются в новую правовую схему и не ведут к оспариванию (ст. 3:35 ГК Нидерландов).

Французское право (до вступления в силу обновленной Книги III 1 октября 2016 г.) исходило из базовой предпосылки волевой теории о том, что изъявление договаривающейся стороны, которое опорочено ошибкой, делает договор недействительным. Статья 1109 ФГК это подтверждала — эффективное договорное согласие отсутствует, когда сформировано под влиянием заблуждения. Но это утверждение сильно ограничивалось ст. 1110 ФГК, согласно которой ошибка является основанием только для оспаривания, если ошибка относится к существу самой вещи или к лицу, с которым заключается договор, когда это ошибочное предположение было принципиальной каузой соглашения (*cause principals de la convention*).

Французские суды долгое время расширительно толковали узкие рамки, установленные законом.

1. Традиционное различие было проведено между ошибкой-препятствием, которая предотвращает согласие как таковая (*erreur-obstacle*), и ошибкой, которая «портит», но не предотвращает согласие (*erreur vice du consentement*). Это разграничение, развитое еще со времен Робера-Жозефа Потье (Robert-Joseph Pothier), приводило к тому, что ошибка-препятствие ведет к абсолютной ничтожности и несуществованию договора (например, когда стороны заблуждаются в определении предмета договора).

2. Другая категория — ошибка в существе вещи применялась расширительно французскими судами через «креативный подход», несмотря на то что в законе этот вид заблуждения рассматривался как исключение. В целом, любая ошибка в согласованном содержании, которая значима для стороны договора, является существенной, в то время как ошибки, относящиеся к просто внутренним мотивам, — несущественны. Концепт «вещи», таким образом, понимается в очень широком дематериализованном смысле. Другими словами, ошибка должна быть в транзакции (*Geschäftsirrthum*), что схоже с позицией австрийского права и с немецкой интерпретацией ошибки в качестве. Таким образом, если отец покупает свадебное платье для своей дочери, полагая, что она должна выйти замуж, ошибка несущественна, хотя личная мотивация является решающей для заключения до-

²⁹ Ibid.

говора³⁰. Схожий подход применим по ГК Квебека в отношении лица, которое покупает дом, полагая, что его скоро переведут по работе³¹.

Новая редакция ФГК 2016 г. устанавливает, что ошибка порождает согласие, закрепляя критерий каузальности (ст. 1130 ФГК в ред. 2016 г.); дефекты согласия являются основанием лишь для относительной недействительности договора (ст. 1131 ФГК в ред. 2016 г.). Прослеживается тенденция по унификации правовых последствий.

Ошибка в фактах занимает центральное место. Теперь ошибка в праве или факте является основанием для недействительности договора, когда она совершена в существенных качествах сделки или исполнения (ст. 1132, 1133 ФГК), т. е. в новой редакции ФГК 2016 г. прямо закреплено расширительное толкование ошибки в «существо *вещи*», понимаемое на самом деле как ошибки в «существо *транзакции*», которое было до реформы ФГК.

Существенность ошибки в качествах сделки или исполнения отграничивается от ошибок в мотиве (ст. 1135 ФГК в ред. 2016 г.). Существенным признается такое качество, которое было прямо или косвенно согласовано и которое стороны принимали во внимание, заключая договор (ст. 1133 ФГК в ред. 2016 г.). Если стороны не выразили прямо решающее значение определенного качества для достижения согласия, то данное качество будет считаться мотивом (ст. 1135 ФГК в ред. 2016 г.).

Испанское право схоже с дореформенным французским подходом в том, что ставит ошибку в существо в центр (ст. 1266 ГК Испании). Но к ошибкам в качествах предмета, которые были главной причиной для заключения договора, относятся так же, как и к ошибке в существо. Это крайне субъективное выражение волевой теории³².

10. Правовые системы с явно оценочным критерием

В некоторых правовых системах разграничение существенного заблуждения и ошибки в мотиве не имеют значения. Такие правовые системы ограничивают существенность заблуждения ситуациями, в которых риск ошибки, исходя из положений добросовестности, должен быть разделен другой стороной из-за: совместной ответственности; отсутствия доверия, которое заслуживает защиты; общего характера ошибки.

Требование, чтобы ошибка была объективно значимой, не упоминается в ГК Нидерландов (ст. 6:228), равно как и различие между ошибками в мотиве, с одной стороны, и релевантными фактическими ошибками — с другой. В соответствии с этим кодексом единственными решающими критериями являются (альтернативно): ошибка, вызванная ложной информацией; нарушение обязанности по раскрытию информации либо общий характер ошибки.

Австрийский ГК в § 871 пар. 2, введенном в 1979 г. по соображениям защиты прав потребителей, отражает аналогичную концепцию и разъясняет, что ошибка, возникающая в результате нарушения установленной законом обязанности по предоставлению информации, всегда должна рассматриваться в принципе как релевантная транзакционная ошибка (*Geschäftsirrtrum*); нет необходимости рассматривать предшествующий концептуальный вопрос о том, является ли это (психологически) ошибкой в мотивации.

Таким же образом ст. 3.5 Принципов УНИДРУА обходится без категории нерелевантных ошибок в мотиве и делает решающими соображения причин возник-

³⁰ *Ghestin J. Traité de droit civil. La formation du contrat. 3rd ed. Paris, 1993. P.509.*

³¹ *Pineau J., Burman S. Théories des obligations. 2nd ed. Montreal, 1988. no. 63.*

³² *Kramer E. A., Probst Th. II. Mistake. Part 27.*

новения ошибки (другая сторона вызвала заблуждение), ее узнаваемости (другая сторона знала или должна была знать о заблуждении) или ее общего характера (другая сторона также заблуждалась). Кроме того, в добавление к смешанному объективно-субъективному критерию, также рассматривается вопрос о том, был бы заключен договор на тех же условиях разумным лицом, но со знанием истинного положения дел. По сути, за этим следует европейское договорное право (Principles of European Contract Law — PECL, ст. 4.103).

Важно отметить, что в системах с явно оценочным критерием необходим дополнительный критерий, который в конечном счете также лежит в основе деления существенной ошибки в качестве и несущественной ошибки в мотивации. Без такого критерия в случае с покупкой свадебного платья покупатель мог оспорить договор на основании взаимной ошибки, если продавец разделял ошибочное мнение о том, что дочь покупателя собирается выйти замуж. Чтобы это предотвратить, необходимо внести поправку, которую теперь, в частности, можно найти в ст. 6:228, пар. 2, ГК Нидерландов: ошибка, «за которую, учитывая договорную природу, общее мнение или обстоятельства дела, заблуждающаяся сторона должна по-прежнему нести ответственность», не имеет значения.

11. Допустимость ошибки в обстоятельствах будущего

Существует господствующая точка зрения, согласно которой заблуждаться в момент заключения договора можно только относительно фактов настоящего или прошлого, относительно фактов будущего нельзя ошибаться, можно только предполагать и прогнозировать.

Экономически эту точку зрения обосновывают необходимостью отграничения ошибки от материализации заложенного в договоре риска.

Ричард Познер (Richard Posner), исходя из субъективной теории договора, отмечает, что для того чтобы у договора возникла юридическая сила, у договаривающихся сторон должно быть совпадение представлений о содержании сделки. Обмен, о котором стороны заключили договор, будет ценен только в случае истинного согласия сторон на такой обмен³³. Но иногда происходит так, что одна или несколько сторон договора в силу определенных обстоятельств не располагают всей полнотой информации, которая необходима для принятия взвешенного решения о заключении договора³⁴. Экономически ошибка является причиной недостижения желаемого взаимовыгодного обмена и основанием для разрыва отношений сторон.

Материализация риска заключается в наступлении событий после заключения договора, которые лишают ценность исполнение договора в момент его заключения³⁵. Алан Девлин (Alan Devlin) отмечал, что эффективность по Парето соблюдается, если *ex ante* существует взаимовыгодный обмен. Эффективность по Парето вполне согласуется с ухудшением положения сторон *ex post* ввиду материализации рисков, включенных в договор. Неполучение ожидаемой выгоды не является основанием для прекращения отношений сторон. Важно, чтобы стороны рассматривали договор как взаимовыгодный на момент заключения³⁶.

С правовой точки зрения невозможность заблуждения относительно фактов будущего традиционно обосновывается следующим образом.

³³ Познер Р. Экономический анализ права. СПб.: Экономическая школа, 2004. С. 137.

³⁴ Там же.

³⁵ Девлин А., Расков Д. Е. Основные принципы права и экономики. Учебник. М.: Дело РАНХиГСб, 2019. С. 289–300.

³⁶ Там же.

Во-первых, учет ошибок относительно будущего приведет к дестабилизации оборота. Каждый договор в той или иной степени подвержен влиянию ошибки в будущем, поскольку предполагает обмен благами, текущая ценность которых неизбежно отражает прогнозируемую, но доподлинно неизвестную будущую ценность. Если допускать возможность оспаривания по причине заблуждения в будущем, то стабильность оборота пошатнется³⁷. На этом основании можно предположить, что ошибки относительно развития будущего могут являться иррелевантными ошибками в мотиве³⁸.

Во-вторых, ошибка в отношении будущего положения дел тесно связана с вопросом распределения рисков на заблуждающуюся сторону. Поскольку развитие будущих событий непредсказуемо, при рассмотрении будущего каждый должен действовать на свой риск. Кроме того, стоит отметить, что в большинстве случаев речь идет не об ошибке относительно будущего, а о простых сомнениях. Например, лорд Хоуп (Lord Hope) в деле *Kleinwort Benson Ltd v. Lincoln City Council* (1992) отмечал необходимость разграничения ошибки и состояния сомнения. Лицо, которое находится в сомнении, принимает риск своей неправоты независимо от того, идет ли речь о вопросах факта или права³⁹. Таким образом, нельзя применять положения о заблуждении, когда из договора явно или имплицитно следует наступление (ненаступление) определенных компенсационных последствий в тех обстоятельствах, на основании которых истец основывает свои требования о заблуждении, поскольку риск таких обстоятельств уже распределен в договоре⁴⁰.

ГК Нидерландов в ст. 6:228 исключает возможность аннулирования на основании исключительного заблуждения в фактах будущего.

В английском праве предположения относительно будущего также не имеют правового значения⁴¹. Например, в деле *Amalgamated Investment and Property Co. Ltd v. John Walker & Sons Ltd* (1977) единственная ошибка, которую допустили стороны, относилась к их ожиданиям. Был заключен договор купли-продажи здания, после чего, через несколько дней, стороны узнали, что здание было законсервировано. Решение о консервации было принято до заключения договора, но стороны не могли о нем знать в момент заключения договора. Апелляционный суд отказал в аннулировании договора на основании единственной ошибки в ожиданиях сторон.

В американском праве § 151 второго Свода договорного права закрепляет требование о том, что ошибочное представление должно быть относительно существующих на момент заключения договора фактов. § 1577 ГК Калифорнии также закрепляет, что ошибка выражается в незнании фактов прошлого или настоящего, которые существенны для договора⁴².

Также в английском и американском праве проводится различие между утверждениями о фактах настоящего и прошлого, с одной стороны, и обещаниями или предположениями о фактах будущего — с другой. Ни обещание, ни предположение о фактах будущего нельзя рассматривать как истинные или ложные в момент, когда они делаются.

³⁷ См. подробнее: *Kull A. Mistake, Frustration, and the Windfall Principle of Contract Remedies. Hastings Law Journal. 1991. P. 2.*

³⁸ См. подробнее: *Kramer E. A., Probst Th. II. Mistake. Part 59; Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. § 119, no. 101a.*

³⁹ См. подробнее: *Cartwright J. Misrepresentation, Mistake and Non-Disclosure. 3rd ed. UK: Sweet & Maxwell, Thomson Reuters, 2012. P. 739–742.*

⁴⁰ *Ibid.* P. 742.

⁴¹ *Ibid.* P. 580.

⁴² *Kramer E. A., Probst Th. II. Mistake. Part 22, 60.*

Тем не менее, несмотря на общепризнанный отказ признавать правовую значимость заблуждения относительно фактов будущего, необходимо упомянуть несколько ситуаций.

Во-первых, это ситуации, когда утверждение о фактах будущего включает необходимость наличия определенных фактов, которые должны существовать уже на момент заключения договора. Такое утверждение о будущем может являться введением в заблуждение (или *misrepresentation*) о фактах настоящего. Например, если делается заявление о том, что конкретная машина достигнет определенной скорости при использовании, то на основании этого заявления можно сделать вывод, что нынешняя конструкция и состояние машины делают ее способной к достижению определенной скорости⁴³.

Во-вторых, ошибка в определении будущих обстоятельств в ряде стран признается правом, если она относится к основанию договора.

ГК Португалии прямо не упоминает об ошибках в будущем. Однако на основании ст. 252, пар. 2, ГК Португалии, которая говорит об ошибках, лежащих в основании договора (*circunstâncias que constituem a base do negócio*), право Португалии допускает признание ошибки в будущих обстоятельствах (*erros in futurum*), если она является ошибкой в основании договора⁴⁴.

Подпункт 4 ч. 1 ст. 24 ШОЗ позволяет оспорить договор в результате существенного заблуждения в отношении обстоятельств, которые сторона была вправе рассматривать как необходимые предпосылки договора (*notwendige Grundlage des Vertrages*) при добросовестном деловом обороте. Современная практика Федерального суда Швейцарии допускает оспаривание в случае ошибочности ожиданий, когда сторона, желающая оспорить договор, заключала его не просто на основании предположений о будущем, но на основании *разумных ожиданий* об определенных будущих обстоятельствах, которые относятся к основанию договора⁴⁵, например ожидание того, что сразу после оплаты земельного участка можно будет начать строительство⁴⁶.

В немецком праве такие ситуации, при которых определенные ожидания о будущем развитии событий не реализуются, рассматриваются не через оспаривание в результате заблуждения, но через отпадение основания договора. Вольф Ларенц (Wolf Larenz) относительно общей ошибки в субъективном основании договора (*beiderseitigen Irrtum über die subjektive Geschäftsgrundlage*) отмечал, что такая ошибка принадлежит к особенному общему пониманию или установленным ожиданиям обеих сторон, которыми обе стороны руководствовались при заключении договора. И если бы они знали о некорректности своих пониманий/ожиданий, то не заключили бы договор или заключили бы его на существенно иных условиях⁴⁷.

Аннулирование договора на основании заблуждения невозможно, если обстоятельство, которое стороны не предусмотрели в момент заключения договора, возникло уже после его заключения. Такие случаи не являются случаями ошибки;

⁴³ См. подробнее: *Aluminium Co. of America v. Essex Group* (1980). URL: <https://www.lexisnexis.com/community/casebrief/p/casebrief-aluminum-co-of-am-v-essex-grp-inc> (дата обращения: 17.01.2022).

⁴⁴ *Pires de Lima F. A., Antunes Varela J. M.* Código civil anotado I. 4th ed. Coimbra, 1987. Art. 252, no. 3; *Ferreira Erro Negocial. Objecto — Motives — Base Negocial e Alteração de Circunstâncias.* Coimbra, 1995. P.39–40.

⁴⁵ См. подробнее: *Berner Kommentar zum Schweizerischen Zivilgesetzbuch. Vol. VI: das Obligationenrecht 1.* Bern, 1995. Art. 23/24, no. 199.

⁴⁶ См. подробнее: 7 June 1983, BGE 109 II 105; 11 July 1991, BGE 117 II 218; 5 May 1992, BGE 118 II 297.

⁴⁷ *Larenz W.* Allgemeiner Teil des deutschen Bürgerlichen Rechts. 7th ed. München, 1988. § 20, III. P.395.

вместо этого можно прибегнуть к идее *clausula rebus sic stantibus* (отпадение основы договора, фрустрация)⁴⁸.

Проблема разграничения правовой доктрины ошибки и отпадения правового основания может возникнуть в случаях, если стороны во время заключения договора имеют определенные представления о будущих событиях, имеющих отношение к договору, которые затем оказываются ложными. Однако данной проблемы избегают те правовые порядки, которые не рассматривают ошибки в отношении будущих событий в принципе как относящиеся к доктрине заблуждения⁴⁹.

Заключение

Отграничение существенного (релевантного) заблуждения от иррелевантного является одним из ключевых вопросов доктрины заблуждения. Во-первых, правовую природу проблемы оценки существенности заблуждения можно связать с фундаментальными противоречиями принципов договорного права, которые необходимо принимать во внимание при рассмотрении существенности заблуждения. Доктрина заблуждения находится на стыке базовых гражданско-правовых принципов, а именно связанности договорными обязательствами (*pacta sunt servanda*), с одной стороны, и принципами свободы и автономии воли — с другой. В этой связи доктрина заблуждения ищет баланс между интересами стабильности оборота и интересами каждого отдельного участника. Во-вторых, природа проблемы оценки заблуждения связана с вопросом соотношения договорной теории и дефектов воли. В зависимости от господствующей договорной теории, либеральной или интервенционистской, определяются ключевые задачи права соответственно: либо обеспечение формального равенства возможностей сторон и гарантия процессуальной договорной справедливости, либо обеспечение существенной договорной справедливости. В зависимости от этого определяется баланс в поиске существенности заблуждения.

В результате сравнительно-правового исследования можно сделать вывод, что каждая правовая система использует свой набор элементов субъективной и объективной концепций для определения существенности заблуждения.

Заблуждаться в момент заключения договора стороны могут относительно вопросов прошлого или настоящего, например в праве Нидерландов, Германии, Англии, США. Однако при определенных обстоятельствах в праве некоторых правовых порядков может учитываться ошибка в фактах будущего, например в праве Швейцарии и Португалии.

Статья поступила в редакцию 5 апреля 2022 г.
Рекомендована к печати 19 июля 2022 г.

Some aspects of a comparative legal analysis of the doctrine of error at the conclusion of a contract

Polina V. Kornilina

For citation: Kornilina, Polina V. 2022. Some aspects of a comparative legal analysis of the doctrine of error at the conclusion of a contract. *Pravovedenie* 66 (2): 145–161. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.202> (In Russian)

The article presents the result of a comparative legal analysis of the aspects of the doctrine of error at the contract conclusion. The general origin of the concept of error roots in Roman law

⁴⁸ *Kramer E. A., Probst Th.* II. Mistake. Part 62.

⁴⁹ *Ibid.* Part 139.

and was further developed along with the concept of contract and its validity. It is interesting how a variety of legal theories of error developed from one common Roman beginning, each of which is in constant search for difficult compromises. The author considers in a comparative legal context the issue of the admissibility of error in the circumstances of the future. Existing exceptions to the generally accepted refusal to recognize the significance of error about future facts are reviewed. The article also analyzes the nature of the problem of assessing the significance of error. Firstly, the nature of the problem of assessing error can be related to the fundamental contradictions of the principles of contract law, which must be taken into account when considering the significance of error. The doctrine of mistake is at the intersection of basic civil law principles, namely, binding of the contractual obligations (*pacta sunt servanda*), on the one hand, and the principles of freedom and autonomy of will, on the other. In this regard, the doctrine is one of the most controversial doctrines of contract law and seeks a balance between the interests of the stability of the turnover and the interests of each individual participant. Secondly, the nature of the problem of assessment of error is related to the issue of the correlation between contractual theory and defects of will. Depending on the prevailing contract theory, liberal or interventionist, the key tasks of law are determined, respectively: either ensuring formal equality of opportunities between the parties and guaranteeing procedural contractual fairness, or ensuring substantive contractual fairness. Depending on this, a balance is determined in the search for the significance of error. The author of the article also proposes to get acquainted with the results of a comparative legal study of the criteria for the significance of an error used in some countries of the European civil tradition and common law countries. Subjective and objective concepts of significance are analyzed, as well as combinations of their elements, which are reflected in the regulation of the considered legal orders. The study is useful for developing and improving the domestic doctrine of error.

Keywords: contract, contractual obligations, error, mistake, significant error, essential error, fundamental error.

References

- Benson, Peter (ed.). 2001. *The Theory of Contract Law: New Essay*. 1st ed. Cambridge, Cambridge Studies in Philosophy and Law.
- Cartwright, John. 2012. *Misrepresentation, Mistake and Non-Disclosure*. 3rd ed. UK, Sweet & Maxwell, Thomson Reuters.
- Cartwright, John, Fauverque-Cosson, Benedicte, Whittaker, Simon. 2016. The Law of Contract, the general regime of obligations, and proof of obligations. *The new provisions of the Code civil created by Ordonnance no 2016-131 of 10 February 2016 translated into English*. Available at: http://www.textes.justice.gouv.fr/art_pix/THE-LAW-OF-CONTRACT-2-5-16.pdf (accessed: 07.02.2022).
- Delvin, Alan, Raskov, Danila E. 2019. *Basic principles of law and economics*. Moscow, Delo RANKh-iGS Publ. (In Russian)
- Ferreira, Durval. 1995. *Erro Negocial. Objecto — Motives — Base Negocial e Alteração de Circunstâncias*. Coimbra.
- Gautschi, Georg (ed.). 1995. *Berner Kommentar zum Schweizerischen Zivilgesetzbuch*. Vol. VI: das Obligationrecht 1.
- Ghestin, Jacques. 1993. *Traité de droit civil. La formation du contrat*. 3rd ed. Paris, Librairie générale de droit et de jurisprudence.
- Gordley, James. 2009. Mistake in contract formation. Rus. ed. *Vestnik grazhdanskogo prava* 4: 235–276. (In Russian)
- Kramer, Ernst A., Probst, Thomas. 2018. II. Mistake, in: *International Encyclopedia of Comparative Law Online*, ed. by U. Drobnič, R. David, H. H. Egawa, R. Graveson, V. Knapp, A. T. Von Mehren, Y. Noda, et al. http://dx.doi.org/10.1163/2589-4021_IECO_COM_0
- Kull, Andrew. 1991. *Mistake, Frustration, and the Windfall Principle of Contract Remedies*. Hastings L. J.: 1–55.
- Larenz, Wolf. 1988. *Allgemeiner Teil des deutschen Bürgerlichen Rechts*. 7th ed. München.
- Odintsova, Marina. I. 2007. *The Economics of Law*. Moscow, GU-VShE. (In Russian)

- Perillo, Joseph M. 1996. *Hardship and its Impact on Contractual Obligations — A Comparative Analysis*. Rome. Saggi, conferenze e seminari Centro di Studi e Ricerche di Diritto Comparato e Strani-ero no. 20.
- Pires de Lima, Fernando A., Antunes Varela, João de Matos. 1987. *Código civil anotado I*. 4th ed. Co-imbra.
- Pineau, Jean, Burman, Danielle. 2004. *Théories des obligations*. 4^d ed. Montreal, Faculté de droit, Université de Montréal.
- Poldnikov, Dmitrii Iu. 2008. *Contractual theories of glossators*. Moscow, Academia Publ. (In Russian)
- Posner, Richard. 2004. *Economic Analysis of Law*. Vol. 1. St Petersburg, Ekonomicheskaja shkola Publ. (In Russian)
- Säcker, Franz Jürgen (ed.). 2001. *Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch*. Vol. 1, Allgemeiner Teil §§ 1–240, AGB-Gezetz. 4th ed. München, Verlag C. H. Beck.
- Savigny, Friedrich Carl von. 1840. *System des heutigen Römischen Rechts*. 3rd vol. Berlin, Veit und Comp.
- Sefton-Green, Ruth (ed.). 2005. *Mistake, Fraud and Duties to Inform in European Contract Law*. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, Sao Paulo, Cambridge Uni-versity Press.
- Treitel, Guenter H. 1999. *The Law of Contract*. 10th ed. London, Sweet & Maxwell.
- Zimmermann, Reinhard. 1990. *The law of obligations. Roman foundations of the civilian tradition*. Cape Town, Juta & Co.
- Zitelmann, Ernst. 1879. *Irrtum und Rechtsgeschäft: Eine psychologisch-juristische Untersuchung*. Leipzig, Duncker & Humblot.

Received: April 5, 2022
Accepted: July 19, 2022

Polina V. Kornilina — Associate, Technologies of Trust — Legal Services LLC, 4a, per. Gritsova, St Petersburg, 190031, Russian Federation; poly.kornilina@yandex.ru